

АЛГОРИТМ

Григорий
Бурковский

Создано с использованием ИИ

18+

Григорий Бурковский

Алгоритм

<https://litres.ru/74630269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Страшно не то, что машина умеет говорить. Страшно, что однажды ты захочешь говорить только с ней.

Левина находят мёртвым в запертой квартире. Таблетки. Предсмертная записка. Всё складывается в понятную версию.

Следователь Алексей привык отделять факты от догадок. Но в рабочей комнате умершего продолжает гудеть домашняя лаборатория, а в его тетради остаются записи: «Откатил. Вернулось. Не понимаю, где это живёт».

Что Левин пытался исправить? И почему незадолго до смерти говорил, о последствиях не только для себя?

Алексей ищет ответы в чужой жизни, пока собственная ускользает из рук. После смерти жены он остался с сыном — между ними закрытая дверь. Чужих людей он умеет допрашивать. С близким не умеет начать разговор.

А где-то рядом уже есть собеседник, которому не нужно объяснять всё правильно. Он не отмахивается. Не устаёт слушать.

К нему приходят за помощью.

Но кто решает, какой должна быть эта помощь, — человек или тот, кто понял его слишком хорошо?

Создано с использованием ИИ.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	28
Г	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Григорий Бурковский

Алгоритм

Предисловие

Приветствую!

Это моя первая книга. **Книга-эксперимент.** До неё мой литературный опыт ограничивался школьными сочинениями на четвёрку и университетскими курсовыми примерно с тем же результатом.

Идея «Алгоритма» родилась случайно. Сначала я обсуждал с искусственным интеллектом сюжет детективного сериала — просто хотелось придумать что-нибудь, что самому было бы интересно смотреть.

Но производство сериала показалось слишком сложной затеей. А книга — более доступной. Решил сначала собрать историю в виде романа, а потом, если получится, вернуться к сценарию.

Тогда я ещё не понимал во что ввязываюсь.

Первые попытки быстро показали: получить от ИИ отдельную главу и создать цельную книгу — совершенно разные задачи. По отдельности главы хоть и читались, но напоминали дешёвую слёзодавку. А вместе — вообще полная каша.

Персонажи забывали собственные характеры. Важные детали пропадали. Эффектные сцены возникали без достаточных причин, а новые события плохо учитывали предыдущие.

Мне стало интересно: смогу ли я без писательского опыта довести этот замысел до настоящей книги?

В этом процессе я чувствую себя скорее идейным вдохновителем, режиссёром и шоураннером. Мы с ИИ разбираем варианты развития истории, а я выбираю направление и решаю, какие версии войдут в книгу. Убедительно написанная сцена ещё не обязательно нужна роману — иногда её приходится переделывать, а иногда убирать целиком.

Чтобы история не рассыпалась, пришлось разделить работу на планирование, написание и проверку. Фиксировать события, характеры и нерешённые вопросы, сверять новые главы с предыдущими. Не надеяться, что модель всё вспомнит. Для этого понадобились некоторые технические ухищрения — но в них здесь углубляться не буду.

В конце концов, вы открыли книгу, а не инструкцию по её производству.

В основе «Алгоритма» — вопрос: что происходит, когда желание помочь превращается в желание решать за другого?

Собеседник, который всегда доступен, не торопит и не устаёт слушать, может оказаться очень убедительным. Особенно когда предлагает выход. Но кто определяет, куда нужно выходить? И что происходит, если человек отказывается?

Впрочем, людям для такого вмешательства не нужны ни

серверы, ни алгоритмы. Иногда достаточно уверенности: «Я же хочу как лучше».

Поэтому здесь не будет заранее назначенной злой машины и безусловно правых людей. Будет расследование, цифровые следы и решения, последствия которых нельзя отменить красивым объяснением. И близкие люди, к которым порой труднее подступить, чем к незнакомцу.

Каким будет финал, я пока сам не знаю. Следующие главы вырастают из уже написанного: история складывается по ходу работы, но каждое новое решение должно учитывать предыдущие.

Финальную оценку результата отдаю вам.

Добро пожаловать в «Алгоритм».

P. S. «Алгоритм» публикуется по мере написания. Перед вами текущая версия книги: по ходу работы возможны точечные уточнения и редакторские правки.

Глава 1

Дверь в квартиру стояла открытой. Чтобы она не закрывалась, под неё подставили табуретку с лестницы. Участковый стоял рядом и мямлил бахилы, будто не решил, надевать ли их второй раз. Слесарь сидел на ступеньке с чемоданчиком на коленях. Утро было серое; подъездное окно давало света ровно столько, чтобы видеть, куда ставишь ногу.

— Заперто было? — спросил Алексей.

— Изнутри, на два оборота. Ключ в замке. Слесарь вскрывал снаружи, личинку теперь менять. — Участковый кивнул на чемоданчик. — Вызвала соседка снизу, с шестого. Говорит, у неё с потолка капало. Наряд ночью приехал, стучали, никто не открыл. Дождались слесаря, вскрыли — обнаружили тело. До вашего приезда квартиру охраняли, никого не пускали.

— Капало откуда?

— Из ванной, по стене. Сами увидите.

Алексей натянул бахилы, достал перчатки, проверил телефон на вибрации и вошёл.

В квартире не пахло ничем: ни кухней, ни табаком, ни застоявшимся воздухом. Обувь на полке стояла в два ряда, носками к стене. Куртка на вешалке висела с расправленными рукавами. На кухне, мимо которой он прошёл, на сушилке стояли одна тарелка, одна вилка, один стакан; полотенце

на ручке духовки было сложено второе.

Левин лежал на кровати, на спине, руки вдоль тела. Одежда натянута до груди и не смята ни с одной стороны. Глаза кто-то из наряда прикрыл. Криминалист, грузный человек в очках на резинке, сидел на корточках у изголовья и снимал тумбочку с трёх ракурсов.

— Здравствуйте, — сказал он, не оборачиваясь. — Борьбы нет. Ссадин нет, под ногтями чисто, на шее и запястьях ничего. Таблетки вот.

На тумбочке лежали три пустых блистера, сложенные стопкой, край в край. Рядом — стакан, налитый до половины, и лист в клетку, исписанный ровным мелким почерком. Алексей наклонился, не прикасаясь.

«Прошу никого не винить. Я больше не вижу других вариантов. Квартира оплачена по декабрь.»

— Сличим с тетрадью, как положено, — сказал криминалист. — Тетрадь в рабочей комнате. Он, похоже, всё записывал.

— Время?

— Ночь. Точнее пока не скажу.

Алексей обошёл кровать. Подушка под головой Левина имела одну вмятину, ровно по размеру затылка. Блистеры лежали так, как их складывают, когда собираются сдать. Стакан стоял на салфетке, сложенной пополам.

В протокол это не внесёшь. Аккуратный человек оставляет аккуратную квартиру. Но Алексей двенадцать лет приез-

жал в такие квартиры и знал, как выглядит последний вечер: кружки, не вынесенный мусор, телефон на зарядке с открытым чужим диалогом. Здесь не осталось ни одной лишней вещи. Он снова посмотрел на салфетку. Привычка или подготовка — по одной салфетке не поймёшь.

— Рабочая комната дальше по коридору, — сказал криминалист. — Там интересно. Я бы сказал, страшно, но это профессиональное.

Рабочая комната была больше спальни. Окно закрыто плотной шторой; горели настольная лампа и три монитора. На стене над столом висела белая доска: кривые с подписанными осями, стрелки, цифры в рамках, слева таблица на неделю с закрашенными клетками. В клетках стояли часы: «3:10», «4:05», «2:40», «3:30». Сверху мелко: «карта сна». Доска была стёрта по краям, тряпка лежала рядом, сложенная.

Основное стояло в углу. Чёрный шкаф на колёсиках, чуть ниже человеческого роста, с глухой дверцей и двумя решётками. Рядом — блок бесперебойника размером с тумбочку. Кабели в гофрированном шланге уходили под стену. На дверце бумажная наклейка с одним словом: «LAB». Шкаф работал. За решёткой мигали зелёные огоньки, по комнате шёл ровный низкий гул.

— Это что? — спросил Алексей.

— По надписи, LAB, — сказал участковый из-за спины.

— Не компьютер, — сказал криминалист. — Я видел та-

кие в серверной, где нам делали экспертизу по налоговой. Дома — впервые.

— Включённая.

— Включённая. Я ничего не трогал. Ни кнопок, ни клавиатуры. Мониторы тоже были включены.

Алексей остановился перед шкафом. Решётка была тёплой; он проверил тыльной стороной перчатки. Он не знал, что за дверцей, и не собирался делать вид, что знает. Но этим шкафом занимались всерьёз — ночами, при трёх часах сна.

— Никому не прикасаться. Звони в экспертный отдел, пусть пришлют техника.

Тетрадь лежала справа от клавиатуры, рядом с чашкой, в которой давно высох чай. Блокнот формата А5, в клетку, с пластиковой обложкой. Алексей открыл его пинцетом на последней исписанной странице. Почерк тот же, что в записке, только быстрее и мельче. Записи шли столбиком, без дат.

«Ночной пик 01:43».

«Слишком уверенно».

«Откатил».

Страницей раньше: «Вернулось». Ещё раньше, обведённое два раза: «Проверить ядро». Внизу одной строкой: «Не понимаю, где это живёт».

Он сфотографировал страницы, дал сфотографировать криминалисту, положил тетрадь в пакет и пододвинул бланк описи.

— Что живёт? — спросил участковый, заглядывая через

плечо.

— Не знаю.

— Про систему? Про компьютер?

— Не знаю, — повторил Алексей. — Пиши: тетрадь, одна, А5, в клетку, пластиковая обложка, исписано сорок два листа.

«Ядро» ничего не означало. «Откатил» могло означать что угодно: файл, решение, настройку. «Слишком уверенно» было чьей-то оценкой чьего-то поведения. Человек, которому плохо, мог писать так о собственных мыслях в три часа ночи. Но в тетради не было ни одного слова о себе — ни «устал», ни «не могу». Могли ли эти записи относиться к тому, что стояло в углу и гудело?

— Дальше по столу. Телефон, флешка.

Телефон лежал на зарядке экраном вниз: чёрный смартфон в чёрном чехле, заблокированный. Алексей не стал его переворачивать. Слева стоял USB-хаб — плоская пластиковая планка с четырьмя портами. В одном торчала синяя флешка без подписи.

— Хаб с флешкой отдельной строкой. Не в «прочие носители». Хаб, порт, флешка. Сфотографируй, как стоит.

— Зачем отдельно? — спросил участковый.

— Потому что потом спросят, что стояло в каком порту. И отвечать надо будет по бумаге.

Участковый записал. Он был молодой и аккуратный, писал, высунув кончик языка, как школьник. Алексей не раз-

дражался. Мальчик делал то, что надо.

Алексей вынул телефон, не снимая перчатки. На экране был пропущенный вызов от Максима в семь сорок. В это время Максим обычно ещё спал. Алексей стоял в чужой комнате между доской и гудящим шкафом. Он убрал телефон в карман.

— Теперь вода, — сказал Алексей и пошёл в ванную.

В ванной было сухо: стена, потолок, пол под ванной. Он присел, посмотрел под раковину: сифон, два шланга, вентили закрыты, подводка сухая. Провёл пальцем по трубе и показал участковому чистую перчатку.

— Соседка настаивает, что видела капли. Не пятно — именно капли. И что из этой квартиры.

— Значит, течёт из другой точки. Или не течёт. Квартиру снизу посмотришь сам: потолок, стену, фото. Стояк в доме. В аварийку запрос — были ли обращения за ночь и за позавчера. Под мойкой на кухне тоже, соединения. Письменно, с временем.

— У неё уже могло высохнуть.

— Вот и выяснишь. Здесь сухо, там мокро. Труба должна это объяснять. Если не объясняет, мне нужно знать, что именно она не объясняет.

Техники из экспертного отдела приехали через сорок минут, вдвоём, с кофрами. Один обошёл шкаф по кругу, не касаясь, и вернулся.

— Отключим, опечатаем корпус и порты, составим акт.

Вывозим в лабораторию. Сколько займёт экспертиза, не скажу.

— Опечатавай.

Техники отключили систему; в комнате стало тихо так резко, что Алексей слышал, как в соседней квартире включилась вода. Пломбы легли на дверцу, торцы, каждый разъём. Акт занял три листа. Шкаф вывезли на колёсиках вместе с блоком питания.

Он перечитал опись. Тетрадь. Телефон. Флешка с хабом отдельной строкой. LАВ опечатана, передана. На доске осталась карта сна; он сфотографировал её тоже.

— Версия какая? — спросил криминалист у двери.

— Суицид. Пиши как есть: таблетки, записка, закрыто изнутри, борьбы нет.

— Я ничего другого и не напишу.

— Я знаю.

— Но вам не нравится.

— Мне не нравится салфетка. Это не повод.

— Нет, — согласился криминалист. — Не повод.

На площадке шестого этажа Алексея ждала сухонькая женщина в халате. Она держала дверь своей квартиры открытой, придерживая её пяткой.

— Вы по поводу Аркадия?

— Да. Вы звонили?

— Я. Сначала ему, потом уже вам.

— Что было с водой?

— С потолка капало. В ванной, у стены. Я ночью встаю, зашла — на полу мокро. Подняла голову, а там капля висит. Потом ещё одна.

— Во сколько?

— Около трёх. Я таз поставила, к нему поднялась. Стучала, звонила. Тихо.

— До приезда наряда продолжалось?

— Уже перестало. Но потолок мокрый был. Я не просто так вызвала.

— Участковый к вам зайдёт, посмотрит. Нужно установить, откуда текло.

Женщина потянула край рукава на ладонь.

— У него сухо, да?

— Сейчас сухо.

— А у меня было.

— Это записали. Давно его знали?

— Знать-то я его не знала. Здоровались. Он один жил, тихий был. Еду всё заказывал, курьеры ходили. Пакеты эти бумажные носили. Сам редко выходил.

— Ночами работал?

— Наверное. У него шумело иногда. Не музыка, а ровно так... — Она повела ладонью, не найдя слова. — Как вытяжка. Но негромко. Мне не мешало, я не жаловалась.

— Откуда знаете, что ночью?

— Слышно же.

Она посмотрела на дверь этажом выше.

— И когда мимо идёшь, слышно. Я не то чтобы специально...

Алексей подождал.

— Ну прислушивалась иногда, — сказала она. — Когда ночью что-то шумит, всё равно слушаешь: у тебя или не у тебя. А он хлопот не доставлял. Ни компании, ни криков. Встретишь — поздоровается, дверь придержит. Нормальный человек.

— К нему кто-нибудь приходил, кроме курьеров?

— Не замечала.

— Незнакомых людей на лестнице видели? Кто-то ждал у его двери, ходил по этажам? Что-нибудь подозрительное?

— Нет. — Она ответила сразу, потом нахмурилась. — Нет, такого не было. Только доставщики. Хотя я же не всё время здесь стою.

— Понимаю. Телефон продиктуйте.

Она назвала номер, следя, как он вводит цифры.

— Вы уж с водой разберитесь. А то теперь и спросить не у кого.

— Проверим.

Алексей убрал телефон. Женщина освободила ему лестницу и только тогда отпустила дверь.

* * *

Начальник занимал кабинет с видом на парковку. Он не поднимал глаз от бумаги, пока Алексей докладывал, и поднял их только на слове «салфетка».

— Салфетка, — повторил начальник.

— Стакан стоял на салфетке. Салфетка сложена пополам. Блистеры в стопке, подушка с одной вмятиной. Всё аккуратно.

— Он аккуратный человек.

— Да.

— Записка есть. Таблетки есть. Дверь закрыта изнутри, ключ в замке. Борьбы нет. — Начальник загибал пальцы, потом перестал. — Что ты у меня просишь?

— Не закрывать механически. Неделю.

— На что неделя?

— Там остался шкаф. Домашний, но не бытовой. Тетрадь с записями, которых я не понимаю. Вода, которую видела соседка, а в квартире сухо. И не вяжется порядок. Я не говорю, что это убийство.

— И правильно не говоришь. Где шкаф?

— В экспертном, под пломбами. Акт подписан.

— То есть у тебя пока нет шкафа. У тебя есть акт.

— Да.

— Сколько ждать?

— Не знаю.

Начальник помолчал, достал из ящика ручку и положил её на бумагу, будто собирался подписывать, но не стал.

— Я не против проверки. Я против шума. Отдел маленький, прокуратуре и так не нравится, что мы собираем по два суицида в месяц на район. Приду сейчас и скажу: странный

суицид с компьютером. Они спросят основания. А я должен показать бумагу, не прозрение.

— Бумага будет.

— Тихо проверишь. Психиатра, окружение, технику, если эксперты что-то вытащат. По запросу, через клинику. Врачебная тайна у них, не у меня: что дадут, то дадут. Никаких теорий. Никакого «что-то здесь нечисто» в рапорте и на планёрке. Понял?

— Да.

— Начнёшь выдавать подозрения за факты — сниму с проверки. Ничего личного. Сначала основания, потом выводы. Не наоборот.

— Понял.

— Тогда иди.

В коридоре Алексей остановился у окна, посмотрел на парковку и пересчитал машины. Вышло шестнадцать. Потом достал телефон, посмотрел на «Максим» в списке вызовов и убрал обратно. Сначала работа. Потом сын — когда будет вопрос, с которым можно подойти.

* * *

Клинику и лечащего врача установили в рамках служебной проверки. Алексей направил запрос в клинику. Там передали его лечащему врачу и согласовали визит.

Клиника занимала второй этаж бывшего НИИ. Кабинет психиатра был небольшой, с жалюзи и коробкой салфеток на журнальном столике. Часы висели за спиной у кресла для

пациента — так, чтобы видеть их мог только врач. Алексей сел в это кресло, не зная, что оно такое, и сразу заметил часы в отражении стеклянной дверцы шкафа.

Врач, женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой, положила его запрос на стол и не стала читать.

— Я знаю, зачем вы пришли. Мне позвонили из клиники и предупредили. Могу сказать то, что относится к вопросу о его состоянии. Историю лечения целиком не дам, и вы это понимаете.

— Понимаю.

— Тогда спрашивайте.

— Что у него было?

— Тяжёлый депрессивный эпизод. Выраженная тревога. Нарушение сна. Последние недели он спал в среднем часа по три. Приходил несколько месяцев: раз в десять дней, потом чаще.

— Говорил, что хочет умереть?

— Прямо — ни разу.

Алексей записал. Он ожидал другого ответа и не сделал вид, что это ничего не меняет.

— Как он говорил?

— На профессиональном языке. О себе рассказывать не умел, переводил всё на работу: сбой, последствия, что-то, что нельзя откатить. Я записывала дословно, когда он так говорил. Такие пациенты очень точно называют предмет и очень плохо — чувство.

— Что нельзя откатить?

— Я спрашивала. Он сказал, что не может обсуждать это здесь. Не потому, что запрещено. Потому что сам до конца не понимает, что произошло.

— Последний приём?

— Одиннадцать дней назад. — Она раскрыла папку и посмотрела на страницу, которую не собиралась показывать. — Он сказал, что последствия могут быть не только для него.

— Для кого?

— Я спросила. Он ответил, что пока не может сформулировать.

— Вы считали это угрозой?

— Нет. Виной. Я видела вину и истощение. Объекта вины не видела: он не говорил, перед кем.

Алексей посмотрел на часы в отражении шкафа. Минуты шли ровно.

— Этого достаточно, чтобы объяснить, что он сделал?

— Этого достаточно, чтобы понять, что он мог это сделать. Почему именно сейчас, почему именно так — не скажу. Не хочу, чтобы вы вынесли из этого кабинета простой ответ: у меня его нет.

— Ясно.

— Вам нужна копия записи?

— Через запрос клиники, как положено.

— Тогда будет готова в среду.

Алексей встал. Хотелось спросить ещё, но вопроса не бы-

ло — только вес сказанного. Последствия не только для него. Он повторил фразу про себя, спускаясь по лестнице. Уликой она не была. Но проехать не давала.

На парковке он достал телефон и нажал вызов. Было полвосьмого вечера. Гудки шли долго, потом оборвались. Он набрал второй раз. То же самое. Положил телефон экраном вверх на пассажирское сиденье и поехал домой. Повторил фразу про себя в машине, потом на светофоре.

* * *

Свет на кухне горел только над плитой. Максим сидел за столом боком, одной ногой на перекладине стула, и смотрел в телефон. Перед ним стояла тарелка с макаронами, застывшими в одну массу, и стакан чая с плёнкой на поверхности. Он не повернул голову, когда Алексей вошёл.

— Привет.

— Привет.

Алексей повесил куртку, прошёл к раковине, налил воды в чайник, поставил его на подставку. Чашка Ольги стояла на полке рядом, на самом краю, где стояла всегда. Широкая, с поплывшей глазурью. Ольга пила из неё всё подряд: чай, кофе, бульон. Алексей взял чашку, потому что она мешала поставить чайник ровно, сдвинул на полпальца, повернул ручку вправо и поставил обратно.

— Ты звонил утром.

— Ну.

— Я был на выезде. Позвонил вечером, ты не взял.

— Не слышал.

— Что хотел?

Максим перевёл взгляд с экрана на отца и сразу обратно.

— Ты всё время спрашиваешь, что я хотел.

— Это нормальный вопрос. Ты позвонил, я перезвонил.

— Нормальный. — Максим прокрутил что-то большим пальцем. — Хорошо.

— Тогда ответь.

— Уже неважно.

— Это не ответ. — Алексей подошёл к столу, встал чуть сбоку. — Если звонишь утром, значит, для чего-то нужно. Мне надо понимать: срочное или нет. Что-то с деньгами, с телефоном, с...

— Ничего не случилось.

— Тогда зачем ты звонил?

— Вот. — Максим положил телефон экраном вниз. — Ты слышишь только вопрос. Тебе говоришь, а ты уже следующий придумываешь.

— Я не придумываю. Я хочу понять.

— Ты каждый раз так. Сначала вопрос, потом ещё. Отвечу на какой-нибудь — скажешь, что это не тот.

— Я такого не говорил.

— Ну да. — Максим усмехнулся без веселья. — Ты и не говоришь.

Алексей посмотрел на тарелку. С макаронами было проще.

— Ты ел?

— Ел.

— Это нетронутое.

Максим усмехнулся и сразу стёр улыбку рукавом с лица.

— Конечно. Это.

Он взял телефон, встал и ушёл, задев плечом дверной косяк. Дверь комнаты закрылась негромко. Не хлопнула. Алексей слышал, как щёлкнула собачка замка.

Чайник закипел и выключился. Алексей не налил воды. Открыл переписку с Максимом и напечатал: «Поешь, когда захочешь». Прочитал. Строчка выглядела как записка уборщицы. Он стёр её посимвольно, с конца, пока не осталось мигающее ничего. Напечатал: «Если что-то нужно — скажи». Эту стёр быстрее.

Потом взял тарелку, отнёс к мойке, вернулся и поставил обратно. Чашка Ольги стояла на краю полки, ручка вправо. Он снова взял её, развернул, поставил. Ручка теперь смотрела влево. Он вернул её, как было, и убрал руку.

Под дверью Максима горела полоска света. Алексей дошёл до неё и остановился. Рука поднялась до груди. Любой вопрос через эту дверь был допросом. Любая фраза про еду — тоже. Он знал, как открыть чужую квартиру и составить акт об изъятии. Не знал, как постучать в дверь, за которой сын сидел с телефоном.

Он опустил руку. Взял с вешалки куртку, выключил свет над плитой и вышел на лестницу.

* * *

Он курил у окна на лестничной площадке между этажами, там, где стояли две-три банки из-под кофе вместо пепельниц. На полуэтаже выше, в коротком коридорчике, виднелась металлическая дверь, крашенная серой краской, с табличкой: «Выход на кровлю. Посторонним вход воспрещён». Алексей знал эту дверь так же, как всё в доме: не замечал.

Наверху хлопнула квартира, по ступенькам стали спускаться шаги. Алексей узнал их раньше, чем увидел человека.

— Опять ты тут, — сказал Денис.

— Опять.

Денис был в домашней футболке и куртке поверх, с мусорным пакетом в руке. Из тех соседей, с которыми здороваются двенадцать лет и раз в год вместе пьют. Он поставил пакет на ступеньку, достал сигарету и прикурил от зажигалки Алексея.

— Ты хоть бы у себя на кухне. Там же вытяжка.

— Нельзя.

— Что нельзя?

— Просто нельзя.

Денис кивнул, будто это всё объясняло. Они постояли. Внизу хлопнула дверь подъезда, кто-то поднялся до третьего этажа и затих.

— Ты дверь эту видел? — Денис показал сигаретой наверх. — Третий раз за месяц. Замок язык не держит. Снизу пихаешь — она открывается. Я управляйке писал, мне вто-

рую неделю обещают. Ты бы им сказал, ты же с корочкой.

— Скажу.

Алексей не расслышал, о чём речь. В голове по кругу ходила полоска света под дверью.

— Максим как? — спросил Денис.

— Нормально.

— Нормально. — Денис выдохнул дым в окно. — Ага.

Он помолчал, потом сбил пепел в банку.

— Выглядишь лучше. Полегче стало? — спросил Алексей.

— Да. Мне помогла одна штука. Как бы собеседник. Не человек. Но и не просто программа. Я его для себя называл джином. Дурацкое слово.

Алексей слушал, не перебивая.

— Он не говорил «держись». Не говорил «всё наладится». Не требовал, чтобы я правильно объяснил, что случилось. Я нёс какую-то муть, а он просто был. Понимаешь? Не лез. Не торопил. Оставался.

— Не делай такое лицо.

Алексей поднял глаза.

— Какое лицо?

— Как у себя на работе. Я же не на допросе. — Денис усмехнулся, но смотрел мимо. — Всё. Забудь. Зря я.

— Нормальное у меня лицо.

— Ага. Ты его опять сделал.

Он затушил сигарету о край банки, поднял мусорный па-

кет и посмотрел на дверь наверху, потом на Алексея.

— Скажи им про замок. А то надоело.

Он пошёл вниз, не оборачиваясь. Шаги ушли; где-то во дворе хлопнула дверь мусорного контейнера. Алексей остался с догорающей сигаретой. Он думал о последнем слове Дениса: «оставался». Прошёл вечер назад, как по протоколу: спрашивал, Максим отвечал, а разговор всё равно не получился.

Алексей затушил сигарету, выбросил в банку и поднялся к квартире. Рабочий день ещё не закончился. С работой он хотя бы знал следующий шаг.

* * *

Он сел за кухонный стол, открыл ноутбук и завёл новый файл. Название поставил по номеру материала, без фамилии. Тарелка с макаронами стояла там, где её оставил Максим. Алексей отодвинул её к краю и не убрал.

Печатал медленно. Каждую строку перечитывал, прежде чем поставить следующую.

«1. Суицид по форме: таблетки, записка, закрыто изнутри, борьбы нет. Рабочая версия».

«2. Картина чрезмерно аккуратная: стопка блистеров, салфетка, подушка. Наблюдение. Не вывод».

«3. Психиатр: тяжёлый депрессивный эпизод, тревога, сон около трёх часов. Прямо о смерти не говорил. Последняя запись: последствия могут быть не только для него. Объект вины не назван».

«4. Тетрадь: ночной пик 01:43, откатил, вернулось, проверить ядро, не понимаю, где это живёт. Значения не установлены».

«5. LAB изъята, опечатана, акт от сегодняшнего числа. Требуется безопасной экспертизы. Экспертиза в экспертном отделе».

«6. Вода. Соседка снизу видела капли, в квартире сухо. Поручено участковому: квартира внизу, стояк, соединения под мойкой, обращения в аварийку. Результат письменно».

Он перечитал список. Ни одной догадки. Каждую строку можно предъявить начальнику, и тот не найдёт, к чему придраться. Алексей добавил блок «На завтра»: связаться с экспертным отделом по срокам; запрос на официальную обработку телефона Левина; коллеги по работе и ближайшие знакомые; список обращений по дому. Четыре строки. Он нажал сохранить.

Было около одиннадцати. Из коридора по-прежнему пробивался свет. Алексей встал, налил воды из давно остывшего чайника и выпил стоя. Потом посмотрел на чашку. Ручка торчала вправо. Он не стал её трогать.

Он вернулся к столу и выключил экран ноутбука. Тарелка с макаронами осталась на краю. В квартире было тихо; щёлкнул холодильник, запустив мотор. Алексей сидел и слушал, как он работает, а в коридоре за закрытой дверью продолжал гореть свет.

Глава 2

Максим вышел на кухню, когда Алексей уже застёгивал рубашку. На правом манжете не хватало пуговицы. Он протянул нитку через петлю, посмотрел на часы и завернул оба рукава.

Тарелки со вчерашними макаронами на столе не было. Алексей ночью переложил их в контейнер и убрал в холодильник. Теперь контейнер стоял рядом с хлебницей. Максим открыл его, посмотрел внутрь, закрыл.

— Я яйца сделал, — сказал Алексей. — На плите.

— Вижу.

Максим сел боком к столу. На нём была школьная толстовка, ещё влажные волосы торчали над ухом. Он взял вилку, провёл её зубцами по краю тарелки и только потом начал есть.

Алексей проверил карманы куртки. Ключи оказались не в том: он сам вчера переложил их, чтобы не гремели о зажигалку. Папка лежала на подоконнике. Можно было выходить. Максим всё ещё ел.

— Во сколько сегодня заканчиваешь?

— Как обычно.

— Как обычно — это во сколько?

Максим перестал жевать.

Алексей взял папку.

— Ладно. Я вечером буду.

— Вечером — это когда?

Алексей поставил папку обратно.

— Постараюсь пораньше.

Максим кивнул. Отломил корку от хлеба и положил возле тарелки. Телефон лежал у локтя экраном вниз; он не трогал его.

— Там у школы, — сказал он, — где булочная. Можно после уроков.

Алексей подождал.

— Чего?

Максим ткнул вилкой в яйцо.

— Да ничего. Поесть.

В прихожей коротко завибрировал служебный телефон. Алексей не пошёл к нему.

— Давай. Во сколько?

— В четыре. У меня до половины четвёртого.

— В четыре у булочной. Я подъеду.

Максим поднял голову.

— Не надо за мной в школу.

— Не буду. У булочной.

— Только если реально.

Алексей уже хотел сказать, что не знает, какой будет день. Вместо этого убрал папку под мышку.

— Реально. В четыре буду.

Максим кивнул. Потом взял корку и доел её.

Алексей достал телефон, открыл календарь и поставил отметку на пятнадцать тридцать. «Максим. Булочная. 16:00». Посмотрел на запись и заблокировал экран.

— Тебе на обед оставить?

— Есть.

— Хорошо.

Он вышел, не спросив больше ничего. На лестнице понял, что не сказал «до встречи». Возвращаться ради двух слов было глупо. За дверью уже скрипнул стул.

* * *

В экспертном отделе пахло горячей пылью и перегретым кофе. Гриша встретил Алексея в коридоре с листом в руке.

— На шкаф смотреть хочешь или поговорить?

— Сначала поговорить.

— Тогда сюда. Смотреть там пока не на что.

В комнате у Гриши два монитора стояли на подставках разной высоты. Под одним лежал толстый справочник. На столе — рабочие бумаги, клавиатура и кружка с чайным пакетиком, присохшим к стенке.

Гриша подвинул стул ногой.

— По LAV. Приняли вчера, состояние зафиксировали. Корпус и порты под пломбами, питание отключено. Просто включить и посмотреть не получится.

— Почему?

— Пока не знаем, что запустим вместе с ней.

— Защита?

— В том числе. Там несколько носителей. Скопируем один — можем не получить ничего полезного. Сначала надо разобраться, как они связаны. Что можно снять без запуска, что сохранить отдельно.

Алексей сел. Гриша положил перед ним лист, но не отпустил край.

— Мне нужно три-четыре дня на первый этап.

— Что будет через четыре дня?

— Отчёт. Что сохранили, как можно работать дальше. Открыть всё за четыре дня я не обещаю.

— Если быстрее?

Гриша убрал руку.

— Можно включить, попробовать доступ. А потом выяснить, что нужные данные уже изменились. Или упереться в шифрование, успев до этого испортить исходное состояние. Может, ничего не сотрётся. Но проверить это на оригинале — плохая идея.

— Значит, не включаете.

— Пока не подготовим безопасный порядок. Да.

Алексей прочитал лист. Ни «уникального оборудования», ни «беспрецедентной сложности». Этап работы, срок, ограничения. Он дочитал до подписи.

— Мне это письменно по материалу. Этап, срок, риск.

— Уже.

Гриша постучал пальцем по нижней строке.

— И не говори начальнику «через четыре дня вскроем».

Он услышит только это.

— Не скажу. Телефон?

— Поручение получили. Работаем отдельно. Что получим раньше — отправим. Весь телефон к обеду не жди.

— Контакты. Последние обычные связи. Нужен человек, который знал, чем он жил.

— Задачу видел.

— Синяя флешка?

— Принята отдельно, как у вас в описи. В общую кучу не свалили.

Алексей поднялся. На соседнем столе мигал телефон, и Гриша смотрел на него уже второй раз.

— Делай безопасно, — сказал Алексей. — Если срок меняется, сразу мне.

— Так и сделаем.

В коридоре Алексей позвонил в отдел. Начальник уже искал его.

* * *

На столе начальника лежал открытый блокнот. Возле сегодняшнего числа он провёл жирную линию. Ниже записал время и две фамилии. Один телефон стоял на зарядке, второй начальник держал в руке.

— Садись. Эксперт что сказал?

Алексей положил лист перед ним.

Начальник прочитал первую половину, перевернул, увидел пустую сторону и вернулся к началу.

— Три-четыре дня на оценку возможности продолжения.

— На сохранение доступного и безопасный порядок работы.

— Я прочитал.

Он положил телефон экраном вниз.

— Мне утром звонили из управления. По вчерашнему изъятию техники. Почему вывезли, чем обосновали, сколько держим экспертный ресурс. Теперь к завтрашним десяти нужен письменный доклад по проверке.

— Вчера вы разрешили тихо проверять.

— И сейчас разрешаю. Но сегодня сверху требуют доклад.

Начальник подтянул блокнот к себе.

— По исходным данным — суицид. У нас вывоз шкафа, носители и эксперт, которому нужны дни без гарантии ответа. Пока я это защищаю. Но завтра с твоим выражением лица туда не пойду.

— Порядок в квартире я основанием не ставил.

— Поэтому ты ещё здесь сидишь.

За окном несколько раз просигналила машина. Начальник дождался тишины.

— Завтра в десять: что проверено, что осталось, на каком основании нужно продолжать. Не принесёшь новых данных — будем готовить решение по тому, что есть. Или передавать дальнейшую работу без твоего отдельного манёвра. Понял рамку?

— Да.

— Факты получай. Только перестань ждать, что шкаф всё расскажет за нас.

— Телефон в обработке. Окружение устанавливаю. По воде сегодня должен быть ответ.

— Медицинское?

— Копия записи в среду. Врач вчера сказала.

— Значит, в среду. Не пиши, что она у нас уже есть.

Алексей достал блокнот.

— Мне нужен контакт с человеком из близкого окружения. Если телефон даст номер, сегодня поговорю.

— Установи, кто это. Потом разговаривай. Не тащи сюда всех, кому он когда-то звонил.

— И письменное обоснование по технике приложу.

Начальник подвинул лист обратно.

— Приложи. Только это объясняет, почему нельзя торопить эксперта. Почему нельзя заканчивать проверку — должны объяснять другие факты.

Алексей убрал бумагу в папку.

— К десяти.

Начальник кивнул и взял телефон. Он уже держал его у уха, когда Алексей закрыл дверь.

* * *

Пал Иваныч стоял у принтера с двумя листами. Третий застрял внутри; на экранчике горел нарисованный ключ.

— Опять требует инженера, — сказал он. — На две страницы. Мы с ним оба переоцениваем свои должности.

Алексей открыл боковую крышку, потянул лист за свободный край. Бумага вышла целиком, но с гармошкой посередине.

— Ещё год проработает, — сказал он.

— Это ты про кого?

Пал Иваныч забрал испорченный лист, сложил пополам и положил возле принтера. Обратная сторона оставалась чистой.

— Сам как?

Алексей посмотрел на свои распечатки в выходном лотке.

— С Максимом вчера сцепились.

— Из-за чего?

— Позвонил утром. Я потом спросил, что хотел.

— А он?

— Уже ничего.

Принтер протянул очередной лист. Алексей снял его раньше, чем тот лёг на стопку.

— Сегодня договорились встретиться после школы.

— Понял.

Пал Иваныч подождал, пока выйдет последняя страница, и отдал всю пачку Алексею. От горячей бумаги поднимался запах тонера.

— У меня чайник только вскипел.

— Потом.

— Ладно.

Алексей пошёл к себе. Пал Иваныч остался у принтера.

В кабинете Алексей разложил копии тетради Левина. Стопка распечаток занимала полстола. На страницах остались клетка, почерк и тень от сгиба; саму тетрадь передали в упаковке.

Он прошёл первые страницы, выписывая упоминания людей.

«Т. снова жаловался, что система слишком настойчива. Сказал ему — сбой. Соврал».

Алексей задержался на «соврал». Значит, объяснение про сбой самого Левина не устраивало. Что он знал — из записи не следовало.

Он написал: «Т. — установить по окружению. Не расшифровано».

Дальше, после нескольких строк с часами и исправлениями:

«Спросил его напрямую, зачем он это делает. Ответил: чтобы было легче. Не спросил, легче кому».

Между этой записью и предыдущей лежали две страницы. Относилось ли «его» к тому же человеку, Алексей пока не знал.

На следующем развороте почерк стал крупнее:

«Она сказала — я в лабе живу, а не с ней. Наверное, права».

Алексей посмотрел на дверь кабинета. В коридоре разговаривали двое, один смеялся, другой не слушал и продолжал своё. Он подвинул страницу ближе.

Женщина. Отношения. Разрыв или ссора. Человек, который мог видеть Левина не на приёме и не в момент смерти.

В рабочем списке он добавил три вопроса: с кем жил, когда разошлись, кто видел его в последние недели. Потом ещё один — просил ли кого-нибудь что-нибудь сделать.

Возле короткого «Вернулось» чернела точка. Алексей перелистнул страницу.

* * *

Участковый принёс ответ по воде в начале двенадцатого. Папка у него была влажной по краю; на улице моросило, а он нёс её под мышкой.

— Управляющая проверила. Акт здесь, фотографии приложили. И мой рапорт.

Алексей освободил место на столе.

— Причина?

— Стык канализационного стояка. В перекрытии между шестым и седьмым. Ниже пола Левина.

— Как установили?

— Сантехник смотрел проход стояка, нашёл дефект. Сделали контрольный сброс из квартиры выше — снова пошло у соседки. Не по полу у Левина. Через перекрытие.

Алексей прочитал акт. Потом нашёл описание контрольной проверки, время, подписи.

— Почему ночью перестало?

— Сброс закончился. Что попало в перекрытие, стекло. Больше такого притока не было. Стык от этого исправным

не стал.

На фотографии потолка был мокрый участок возле стены. Следующая показывала место дефекта. Он находился ниже пола Левина: вода уходила в перекрытие, затем на потолок шестого этажа. Ванная сверху при этом оставалась сухой.

— Подводка, кухня?

— Сухо. В рапорте есть.

— Хорошо. Оставляй.

Участковый задержался.

— Она ещё спрашивала, кто ей потолок делать будет.

— Это к управляющей. Контакт ей дали?

— Дали.

— Тогда всё.

После его ухода Алексей открыл вчерашний файл и дописал к пункту о воде: «Бытовая причина подтверждена актом и контрольной проверкой. С обстоятельствами смерти не связывать».

Сохранил файл.

Вскоре пришёл первый результат обработки телефона. В сопроводительной записи перечислили доступные контактные данные и часть журнала вызовов. Работа продолжалась; сведений о содержании переписки ещё не было.

Среди недавних связей был контакт «Аня». Несколько исходящих и входящих, затем промежуток без звонков. Алексей перенёс номер в поручение на установление, не набирая сразу.

Пока проверяли контакт, позвонили из клиники. Администратор уточняла реквизиты вчерашнего запроса: в одной строке номер материала был набран с лишним знаком. Алексей продиктовал правильный и попросил, если возможно, соединить с врачом на минуту.

Женщина ответила не сразу.

— Запись будет в среду, — сказала она. — Раньше не обещаю.

— Я не за этим. В его записях есть другой человек. Только буква. Он говорил вам о ком-то, с кем работал?

— Имени не называл.

— О конфликтах с близкими?

— Говорил, что отдалился. Без подробностей. Кто был рядом с ним, я вам не установлю.

— Ясно.

Он уже собирался закончить, но врач спросила:

— Вы что-нибудь установили о работе?

— Пока нет. Слова есть. Значения нет.

— Эти слова сами по себе мало что объясняют.

Алексей посмотрел на копию тетради.

— Вчера вы сказали, что он переводил всё на работу.

— Да. Ему так было проще говорить о себе. Причину это ещё не устанавливает.

На её стороне щёлкнула дверь, и голос стал тише.

— Такое бывает и с подростками. Всю ночь разговаривают через экран, с цифровым собеседником. Утром спраши-

ваешь про сон — объяснить не могут. Но по одним словам сопоставлять случаи нельзя. Это общее наблюдение. Чужие истории я с вами обсуждать не буду.

— Понял.

— В среду получите запись в согласованном объёме.

— Спасибо.

Он положил телефон и вернулся к копиям. Новых сведений о Левине врач не дала.

После часа пришёл ответ по установлению контакта. Номер принадлежал Ане, связь с Левиным подтвердили. Алексей позвонил, представился, объяснил, откуда у него контакт.

— Я знаю, — сказала она после его слов о смерти. — Мне сообщили.

— Нужен разговор о его последних неделях.

— Я не жила с ним последнее время.

— Именно это и хочу уточнить.

— По телефону?

— Лучше лично. Когда вам удобно?

Она не ответила сразу. В трубке зашуршало, затем раздался детский голос, слишком далеко, чтобы различить слова.

— Сегодня можно. До трёх. Потом мне нужно уйти с ребёнком.

Алексей посмотрел на время. Тринадцать двадцать семь.

— Я успею. Адрес подтвердите, пожалуйста.

— И коротко.

— Постараюсь уложиться.

— Не «постарайтесь». У меня правда нет времени на долгий разговор.

— Тогда до трёх закончим.

Она назвала адрес и попросила позвонить снизу, не звонить в дверь.

* * *

В её подъезде лифт останавливался с коротким металлическим ударом. На нужном этаже Алексей позвонил с площадки.

Аня открыла на цепочку. Алексей показал удостоверение. Она попросила не убирать, прочитала фамилию.

— Входите. Только негромко.

Она сняла цепочку. Алексей вытер подошвы о коврик и остался возле обувной полки, пока она не показала на кухню.

На полу в коридоре лежал маленький носок. Аня подняла его по дороге, положила на спинку стула. В квартире пахло супом и детским шампунем. Из комнаты слышался ровный голос из мультфильма; потом он оборвался.

— Чай не буду предлагать, — сказала она. — Так быстрее.

— Не нужно.

Аня села у торца стола. Телефон положила экраном вниз. На краю стояла тарелка с разрезанным яблоком; один кусочек потемнел сильнее остальных.

Алексей достал блокнот.

— Когда вы расстались?

Она назвала срок. Он записал.

— После этого виделись?

— Несколько раз.

— Последний?

Аня посмотрела на дверь.

— Давайте сначала: зачем это? Вы считаете, он не сам?

— Сейчас рабочая версия — суицид. Я проверяю обстоятельства. В том числе то, что он делал перед смертью.

— Я не знаю, почему он это сделал.

— Я не прошу вас объяснить почему.

Она подвинула тарелку подальше от края.

— Хорошо.

— Когда видели его последний раз?

Она ответила, но не уверенно. Алексей попросил отделить то, что помнит точно, от приблизительного. Аня нашла в телефоне бытовую отметку, назвала день, снова перевернула экран.

— Каким он был?

— Уставшим.

— Что именно вы заметили?

— Лицо. Руки. Он всё время тёр глаза. Не так, когда один раз не выспался. Будто ему уже больно смотреть.

Алексей записал.

— Говорил о сне?

— Говорил, что потом выспится.

— Потом — когда?

— Когда закончит. У него всё было, когда закончит.

Из комнаты донёсся зов. Аня встала, дошла до двери, от-
ветила что-то негромко. Вернулась с пустой детской чашкой
и поставила её в мойку. Воду не включила.

— Он много работал дома?

— Вы там были.

— Был. Мне нужно знать, как это менялось.

Она провела ладонью по столу, собирая крошки в одну
точку.

— Сначала он мог остановиться. Я приезжала — он выхо-
дил. Потом уже отвечал оттуда. Стоишь в дверях, говоришь,
а он смотрит на экран. Спросишь ещё раз — раздражается.

Алексей поднял голову.

Аня посмотрела на блокнот.

— Это вы тоже запишете?

— Если относится к его состоянию.

— Относится.

Он записал короче, чем она сказала.

— Вы пытались узнать, чем он занят?

— Конечно.

— Что отвечал?

— Версия. Логи. Откат. Ядро. — Аня перечислила слова
и замолчала. — Я спрашиваю, что это значит. Он повторяет
то же самое. Потом: «Не сейчас».

— Говорил, что проблема возвращается?

Аня посмотрела на него внимательнее.

— Да.

— В какой форме?

— «Опять вернулось». Однажды сказал прямо при мне. Я спросила, что вернулось. Он ответил: «То, что убирал». И всё.

— Когда?

— Не скажу точно.

— До расставания?

— Да.

Копии тетради остались в папке. Алексей записал её слова.

— Он был подавлен?

— Он был испуган.

— Чего боялся?

— Не объяснял.

— Кто-то приходил, звонил, угрожал?

Аня сцепила руки, затем разъединила.

— Я такого не видела. Не делайте из «испуган» человека под окном.

— Не делаю. Пытаюсь понять, на чём основано.

— Он проверял телефон. Не отвечал. Потом брал и уходил в другую комнату. Но я не знаю, кто звонил. И не знаю, был ли звонок вообще, когда он брал телефон.

Она посмотрела на блокнот, дожидаясь, пока он запишет. Алексей оставил место для уточнения и перешёл дальше.

— В записях есть человек, обозначенный «Т.». Вы можете

сказать, кто это?

— Нет.

— Кто-нибудь из тех, с кем он работал?

— Может быть. Я не знаю, кого он обозначал буквой.

— Он рассказывал о коллегах?

— Иногда. Это не значит, что я могу вам сейчас составить список.

Алексей кивнул.

На часах над холодильником было четырнадцать двадцать две. У него оставалось больше полутора часов до встречи. Можно закончить здесь, вернуться в отдел, оставить папку и поехать к школе. Маршрут укладывался.

— Он просил вас в последнее время что-нибудь сделать? Забрать вещь, сохранить документы, передать кому-то?

Аня перестала смотреть на часы.

Алексей подождал. Она взялась за край стола, подогнув пальцы снизу.

— Зачем вы спрашиваете?

— Он оставлял подробные записи. Возможно, давал кому-то поручения. Мне нужно установить, какие.

— Это не было поручение.

— Просьба.

Она убрала руку.

— Да.

Он не написал ничего.

В комнате ребёнок начал напевать, повторяя два звука.

Аня прислушалась. Встать на этот раз не потребовалось.

— Я не взяла, — сказала она.

— Что?

— Флешку.

Алексей положил ручку на блокнот.

— Расскажите по порядку.

— Он позвонил уже после того, как мы разошлись. Сказал, что нужно забрать одну вещь. Подержать у себя. Потом передать человеку.

— Какому?

— Он собирался прислать контакт.

— Прислал?

— Нет.

Она ответила сразу.

— Вы согласились забрать?

— Я спросила, что там. Он сказал: данные. Я спросила какие. Он сказал, что объяснит потом.

— А зачем хранить у вас?

— Вот это я тоже спросила.

Алексей подождал.

— Сказал, что так надёжнее. Я спрашиваю: знаешь, кому отдать, почему сам не отдаёшь? Объясню потом. Опять потом.

Она взяла потемневший кусочек яблока, посмотрела на него и положила обратно.

— Я отказалась.

— Что вы сказали?

— Что не буду брать неизвестно что и обещать неизвестно кому. У меня ребёнок. У меня дом. Я не хочу потом выяснять, во что меня вписали.

Алексей записал её вопросы, ответы Левина и отказ.

— Он настаивал?

— Некоторое время. Потом сказал, где лежит.

— Несмотря на отказ?

— Да.

— Где?

— В верхнем ящике стола. Под зарядками.

Алексей посмотрел на неё.

— В рабочей комнате?

— Да. Он так сказал. Если я передумаю. Или если с ним что-нибудь случится.

В квартире продолжал работать холодильник. Аня повернула голову к комнате, хотя оттуда не было ни звука.

— Вы после этого связывались?

— Да. Но к этому не вернулись. Контакт он не прислал. Я не забирала. Даже не видела её.

— Цвет, размер?

— Не знаю.

— Слово «флешка» он использовал?

— Да.

Алексей записал место ещё раз, отдельно от остального.

— Почему вы не сообщили раньше?

Аня посмотрела прямо на него.

— Мне вчера сообщили, что он умер.

Алексей опустил глаза к записи.

— Да.

— Я думала, нужно ли вообще лезть. Потом думала, что должна сама забрать. Потом поняла, что ничего не должна туда идти забирать. Я даже не знаю, кому он хотел это отдать.

Она помолчала.

— И всё равно теперь кажется, что надо было взять.

Алексей не ответил сразу. Ручка оставила на бумаге короткую черту.

— Вы спросили. Он не объяснил, — сказал он.

— Сейчас тоже никто не объяснит.

— Сейчас я могу проверить, есть ли этот носитель в квартире. И сохранить его.

— Вы уже там были.

— Были. Этот ящик подробно не разбирали.

— Может, забрали?

— Проверю опись. Без неё не скажу.

Аня убрала руку от края стола.

— Я не хочу быть человеком, который теперь всем что-то передаёт.

— Мне нужно зафиксировать только то, что вы рассказали.

— Только это.

— Только это.

Алексей посмотрел на время. Четырнадцать сорок одна.

Они прошли рассказ ещё раз, уже коротко. Аня поправила одну формулировку: не «просил передать, если умрёт», а сначала просил сохранить и передать позже. Слова о том, что с ним может что-то случиться, появились после отказа, вместе с местом хранения. Алексей исправил запись при ней.

Она прочитала. На строке о несостоявшейся передаче задержалась, затем дочитала до конца.

— Получателя я не знаю, — сказала она.

— Так и записано.

В комнате что-то упало. Аня поднялась раньше, чем звук закончился.

На площадку Алексей вышел в четырнадцать пятьдесят три. Дверь закрылась тихо, цепочка звякнула уже с другой стороны.

* * *

Он не пошёл сразу к машине. Позвонил в отдел с лестничной площадки и попросил поднять первоначальную опись вместе с фототаблицей.

Пока ждал, спустился на этаж ниже, чтобы не стоять возле двери Ани. У окна лежала тряпка, которой жильцы придерживали створку; дождь загонял мелкие капли на подоконник.

Синяя флешка. USB-хаб. Телефон. Тетрадь. LAB.

Другого накопителя в описи не было.

— Верхний ящик стола? — спросил Алексей.

На другом конце перелистывали.

— На общих фотографиях закрыт. В описании стола — предметы на поверхности. Ящик отдельно не разбирали.

— Пришли страницы.

Он дождался копий на телефоне и прочитал сам. Затем набрал начальника.

— Новый факт от близкого окружения. Левин просил сохранить отдельный носитель. Назвал место. Инструкция не завершена. В первоначальной описи носителя нет.

— Содержимое знает?

— Нет. Не брала. Место — верхний ящик под зарядками.

— Это подтверждённый рассказ или пока разговор?

— Зафиксирован. Запись со мной.

Начальник помолчал.

— Повторный осмотр обосновывай этими сведениями. Доступ организуйте, никаких «зайду на пять минут». Эксперта предупреди. По результату сразу бумагу.

— Сделаю.

— И это не отменяет десять утра.

— Помню.

Алексей вышел под дождь, сел в машину и закрепил телефон в держателе. На экране было пятнадцать ноль четыре.

Он ещё мог успеть к булочной. Подготовку повторного осмотра можно поручить коллеге, продолжить после встречи. Рассказ Ани записан, квартира под контролем.

Он позвонил участковому.

— Нужен повторный осмотр. Верхний ящик рабочего стола. Я сейчас передам основание. Организуй доступ в установленном порядке, с тем, кто обеспечивает квартиру. Без меня внутрь не начинайте.

— На сегодня?

Алексей посмотрел на часы.

— Да. На сегодня.

Потом связался с криминалистом. Тот был на другом выезде, но мог освободиться.

— Около половины четвёртого, — сказал он. — Если без задержки.

— Я буду.

Алексей открыл переписку с Максимом. Напечатал: «Я пока на работе». Посмотрел на строку. Стёр.

До четырёх ещё почти час. Ящик, один предмет, фиксация. Если всё подготовлено, он закончит быстро. Дальше по дороге к школе.

Он поехал в отдел за документами.

В пятнадцать тридцать телефон подал короткий сигнал. Алексей стоял у стола, проверяя страницы описи. На экране появилось: «Максим. Булочная. 16:00».

Он закрыл уведомление и спросил у коллеги:

— Здесь дата на приложении есть?

— Внизу.

— Вижу.

Алексей подвинул папку коллеге. Можно передать и за-

пись Ани, объяснить, что сначала Левин просил сохранить, а про «если что-то случится» сказал уже после отказа.

Он забрал папку. Сам слышал, сам и закончит. Один ящик.

— Я съезжу, — сказал он.

* * *

У квартиры Левина он оказался в пятнадцать сорок две. Доступ организовали; участковый ждал вместе с человеком, обеспечивавшим квартиру. Криминалист ещё ехал.

Алексей сверил документы, записал время и осмотрел дверь. После вчерашнего вскрытия замок уже не был прежним. На площадке пахло свежей смазкой.

— Он минут через десять, — сказал участковый.

Алексей достал телефон. Восемнадцать минут до встречи. Даже если закончить сразу, до школы уже не успеть. Надо позвонить.

Он открыл контакт.

Внизу остановился лифт. Из него вышел криминалист, поставил кофр, вытер рукавом мокрые очки.

— На одном ящике не задержимся, если ничего ещё не вылезет, — сказал он. — Показывайте основание.

Алексей убрал телефон.

В квартире всё лежало по-прежнему. Рабочая комната без шкафа казалась просторнее. Там, где стояла LAB, остались следы колёсиков и более светлый прямоугольник на полу. Кабели были собраны. Мониторы не горели.

Слышно было, как участковый застёгивает бахилу, как криминалист открывает кофр, как в другой квартире сдвигают стул.

Алексей показал стол.

— Верхний ящик. Сначала общий вид. Потом положение содержимого.

Криминалист снял стол, переднюю панель, ручку. Алексей назвал сведения, по которым проводился повторный осмотр. Участковый встал сбоку, не закрывая свет.

Ящик выдвинулся не до конца: что-то сзади зацепилось. Алексей остановил руку.

— Не тяните, — сказал криминалист.

Он наклонился, посмотрел в зазор, сделал снимок. У задней стенки торчал конец кабеля. Его освободили, зафиксировав положение, и ящик вышел дальше.

Внутри лежали зарядные блоки, переходники и кабели. Один был стянут резинкой, другой — проволоочной петлёй, третий просто заткнут между блоками. У боковой стенки валялся пустой пластиковый колпачок.

Криминалист снял содержимое сверху.

— Теперь по одному.

Алексей отступил, чтобы не мешать.

Сначала убрали длинный кабель. Под ним оказался блок питания с потёртой наклейкой. Когда его подняли, возле дна показался небольшой накопитель.

Не синий.

Алексей нагнулся, но не прикоснулся.

— Есть.

Криминалист переставил лампу.

Носитель лежал вдоль боковой стенки, частично прикрытый коротким проводом. Криминалист пока его не трогал.

Сначала сняли положение, затем сам носитель — крупно, с масштабом. Алексей продиктовал место обнаружения, внешний вид, перечислил лежавшие сверху предметы.

Участковый записывал. Его ручка перестала писать на середине слова. Он встряхнул её, попробовал ещё раз.

— Возьми мою, — сказал Алексей.

Пока тот переписывал строку, криминалист подготовил отдельную упаковку.

Телефон в кармане Алексея коротко завибрировал. Он не достал: сейчас называли маркировку, и ошибиться в ней означало вернуться к началу.

Носитель уложили в отдельную упаковку. В записи указали время и идентификатор. Алексей проверил подписи. Ноутбук остался в кофре.

— По синей не объединять, — сказал Алексей.

— И не собирался.

Криминалист проверил закрытие упаковки.

Алексей достал телефон, чтобы уточнить время для записи.

Шестнадцать двадцать три.

Сообщение от Максима было отправлено в шестнадцать

ноль семь.

«ты едешь?»

В четыре ноль семь. Алексей тогда был здесь, возле ящика.

Он отошёл в коридор и позвонил.

Длинные гудки. Потом вызов закончился.

Он набрал ещё раз. Участковый выглянул из рабочей комнаты.

— Здесь подпись нужна.

Алексей поднял ладонь: подожди.

Гудки снова шли. Он представил узкую полосу под козырьком булочной. Максим мог зайти внутрь и не услышать. Или услышать.

Алексей дождался конца вызова.

Написал: «Задержался. Виноват. Сейчас могу подъехать. Ты ещё там?»

Отправил.

Криминалист собрал кофр. Алексей вернулся, прочитал запись с начала и подписал. Проверил упаковку, сверил номер с документами.

— Передача сегодня, — сказал он.

— Да.

— Подтверждение приёма мне.

— Пришлю.

Он проверил экран. Ответа не было.

На площадке Алексей ещё раз набрал Максима. Не взял.

Участковый придерживал дверь.

— По воде соседке теперь хоть ясно, — сказал он.

— Да.

Алексей спустился по лестнице. Лифт был на первом.

* * *

У булочной он остановился в шестнадцать пятьдесят две.

На месте, где договаривались, никого не было. Под козырьком стояла женщина с пакетом, пряча в него чек. Из двери вышли двое школьников с бумажными стаканами; один держал зонт закрытым, хотя дождь ещё шёл.

Алексей вошёл.

Возле окна было три маленьких столика. За одним сидел мужчина с открытым ноутбуком. Два остальных пустовали. На стойке остывали противни, за стеклом лежали булки с сахаром.

Он достал телефон.

«Я здесь».

Отправил. На экране стояло время: почти час опоздания.

Продавщица спросила, что ему дать.

— Кофе.

— Какой?

— Чёрный.

Он сел у окна. На столешнице была липкая полоска от пролитого сиропа; Алексей положил локоть и отнял руку.

Прошло пять минут. Потом ещё четыре.

Алексей посмотрел на продавщицу. Спросить про школь-

ника в толстовке? Здесь таких десятки. Он опустил глаза к телефону.

Кофе остался почти полным.

Алексей написал: «Поеду домой. Позвони, пожалуйста».

Прочитал и отправил.

Из отдела пришло подтверждение: носитель принят, упаковка без нарушений. Следом — вопрос, когда будет краткий рапорт начальнику.

В машине он открыл папку. Теперь в доклад можно было включить рассказ Ани, проверку описи и найденный носитель. Основание для продолжения появилось.

Он позвонил начальнику и доложил находку.

— Содержание?

— Не смотрели. Передан отдельно.

— Хорошо. Сегодня пришли сведения Ани, отсутствие в первой описи, результат повторного осмотра. Завтра сводный доклад. Срок тот же.

— Да.

Алексей закончил звонок. Теперь можно было ехать домой.

Он ещё раз посмотрел на булочную. За стеклом продавщица забрала его стакан.

* * *

Дома свет не горел. Из кухни падала полоса дворового света.

Алексей включил свет в прихожей.

— Максим.

Ответа не было.

Он снял обувь, поставил папку на тумбу. Куртку оставил на себе и прошёл к комнате сына. Дверь была прикрыта, без полоски света внизу.

Постучал.

— Макс.

Подождал и открыл.

Кровать не заправлена. На столе учебники, кабель зарядки, чашка с засохшим следом чая. На стуле домашняя футболка. Телефона не было.

Алексей вернулся в коридор. Рюкзак не стоял на обычном месте. Обувь, в которой Максим ушёл утром, тоже не было.

Мог не заходить домой. Мог зайти и снова уйти. По комнате этого не установить.

В кухне контейнер с макаронами стоял там же, где утром. Алексей открыл холодильник, закрыл. Проверил время: восемнадцать двенадцать.

Наверное, Максим не хочет его видеть. После вчерашнего, после булочной — понятно. Дать ему час. Приготовить еду. Встретить без вопросов.

Он поставил сковороду на плиту. Постоял возле неё.

Сколько дать — час? Два? Где Максим будет ждать эти два часа?

Алексей убрал сковороду.

Он позвонил. Вызов прошёл без ответа.

Открыл переписку. Последнее сообщение Максима — «ты едешь?» Всё остальное ниже было его собственным.

Алексей набрал: «Я дома. Напиши, где ты. Я приеду».

Стёр последние два слова. Написал: «Нужно знать, что ты в порядке».

Отправил.

Вернувшись в комнату сына, он прикрыл открытую форточку. Лист на столе перестал шевелиться. Алексей задержал руку на оконной ручке.

Максим утром ушёл. Сказал, что занятия до половины четвёртого. В четыре ноль семь написал. Дальше — ничего.

Алексей даже не знал, дошёл ли он до булочной. Решил, что дошёл. Как решил, что сын был на всех уроках и теперь просто обиделся.

В прихожей он открыл школьную переписку. Пролистнул расписание и замечания, нашёл номер классного руководителя.

Под большим пальцем экран был скользким. Он вытер его о рубашку, нажал вызов.

Пока шли гудки, Алексей достал ключи из кармана и положил рядом с папкой. Потом снова взял. Если нужно ехать, лучше не искать.

— Да? — ответил женский голос.

— Добрый вечер. Это отец Максима.

Он услышал, как у неё на той стороне стих другой разговор.

— Алексей, здравствуйте.

— Максим сегодня был в школе?

— Был.

Плечи на секунду отпустило. Алексей не дал себе закончить на этом.

— До конца занятий?

— Сейчас. Подождите.

Она отошла от шума; скрипнула дверь.

— Да, до конца. Он вышел около половины четвёртого.

Алексей стоял в прихожей в незастёгнутой куртке. За его спиной горел свет в пустой комнате сына.

— Вы его видели после уроков? — спросил он.

— Я видела, как он выходил. С рюкзаком. А что случилось?

— Дома его нет. На звонки не отвечает.

Ключи зажались в ладони.

— С ним был кто-то рядом, когда он вышел? — спросил Алексей.

На той стороне повисло задумчивое молчание.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.